

1

У Макса Г. был черный кот, который прыгал вам на голову, стоило только просунуть нос в дверь. Кот был большим и толстым — гораздо тяжелее любого другого кота, которого мне доводилось держать на коленях. Впрочем, его-то я держал на коленях лишь однажды: никогда не забуду холодный пот, выступивший на ладонях и на лбу, когда кот медленно потянулся и положил переднюю лапу мне на колено. Когти ощущались даже через ткань джинсов, но встать было уже поздно.

— Сиди спокойно, — сказал Макс. — Если сидеть спокойно, он ничего тебе не сделает.

Я только что вернулся с Кюрасао, где принял несколько важных решений. Например, я собирался поменять прежний круг знакомств на новый. Все прежние знакомства продолжались более чем достаточное время. Конечно, я пришел к такому решению в основном из-за удаленности места и того простого факта, что на Кюрасао было нечего — в самом деле, *совсем нечего* — делать, но в один из тех жарких и томительных послеобеденных часов, когда вентиляторы в баре на Схоттегатской дороге, казалось, постепенно останавливались, до меня вдруг дошло: с прежними знакомствами надо покончить. Как должен выглядеть новый круг друзей, с Кюрасао виделось очень смутно: так выглядит полоска земли на горизонте, показавшаяся из тумана

после долгих месяцев, проведенных в открытом море. Новый круг друзей находился еще, так сказать, на стадии эскизов и набросков, но в него непременно вошел бы Макс Г.: это не подлежало никакому сомнению.

Кот у меня на коленях испустил низкий и мрачный рык, который отдался в коленях дрожью, пришедшей, казалось, совсем издалека, — словно в глубине подвала многоэтажного дома запустили отопительный бойлер.

— Он очень славный, — сказал Макс. — Не дергайся. Очень славный кот.

Рычание нарастало, а дрожь перемещалась дальше по телу; я будто чувствовал ее у себя под ногами, откуда она медленно прокладывала дорогу наверх.

Я не был уверен, надо ли мне погладить кота — вдруг это станет последней каплей, за которой последует *all-out attack*?¹ Я представил себе, как он одновременно запускает мне в лицо когти всех четырех лап: два — в самую нежную часть нижней губы, один — в веко, один — в кожу под глазом, а остальные — изо всех сил — в волосы и щеки. Когда я в последней отчаянной попытке сброшу его — яростно шипящий и фырчащий черный клубок бешенства, — клочки моей кожи, губы и веки оторвутся вместе с ним; глазное яблоко будет взрезано и разорвано. С глухим шлепком кот ударится об оклеенную обоями стену, а потом о пол, откуда он, все еще фырча, рыча и царапаясь, снова прыгнет мне на голову, чтобы довершить начатое.

Макс встал. Кроме белых кроссовок, все у него было черным: волосы, рубашка, брюки — как и обои, и дощатый пол его комнаты, и его кот...

— Кис-кис-кис, — позвал он.

¹ Решительное наступление (*англ.*).

Макс частенько играл с котом в такую игру: кот сидел в комнате, на полу, а Макс из коридора просовывал голову в дверь. Максова голова была своего рода приманкой: он медленно двигал ею туда-сюда, и она то убиралась в коридор, то оказывалась в поле зрения кота. Между тем кот сидел на деревянном полу и внимательно следил за движениями головы Макса. Свою голову он попеременно наклонял то влево, то вправо. С виду он казался неподвижным, но сильные удары хвоста по полу показывали, что его сосредоточенность уже ничем не нарушить. Он разглядывал голову Макса, как ребенок на карусели разглядывает кисточку или пучок перьев на веревочке в руках распорядителя: тот поднимает и опускает предмет, разрешая проехать еще один круг.

Кот всегда очень точно выбирал момент: была ведь скрытая логика в том, как голова исчезала и снова показывалась из-за дверного косяка. Расчет был таким же, что и при подкрадывании к птице. Птицу тоже надо ввести в заблуждение: мол, кот лежит на полянке просто так, греясь на солнышке, не интересуется птицей и подползает поближе только затем, чтобы понюхать торчащие из травы маргаритки.

Все заканчивалось тем, что кошачье тело приходило в напряжение: это продолжалось не больше десятой доли секунды и не было заметно для невооруженного глаза. Вот кот сидит на полу, а в следующий момент там, где он только что сидел, образуется пустое место. Появляясь словно ниоткуда, кот внезапно оказывался на уровне глаз или, точнее, в нескольких сантиметрах от головы Макса.

Примерно посреди прыжка раздавалось короткое и грубое фырканье, и это было единственным предупреждением. Весь фокус состоял в том, чтобы

быстро отдернуть голову, убрав ее за дверной косяк: тогда кот пролетал мимо, чуть не задев Макса, и шлепался о стену на противоположной стороне коридора. Обычно все заканчивалось хорошо. Но не всегда. С некоторой гордостью Макс показывал мне царапины с подсыхающей кровью на своих предплечьях и пальцах, полученные при защите лица от выпущенных когтей.

Однажды субботним вечером я задержался у Макса так надолго, что остался ночевать. Он положил для меня матрас в гостиной. Плохо помню, что меня тогда настолько воодушевило, но, когда Макс ушел спать, мне захотелось самому устроить игру с головой и дверным косяком; в то время кот, благодаря моим регулярным появлениям, уже немногим привык к моему присутствию в доме.

В первый раз все получилось. Кот неотрывно смотрел на мою голову точно так же, как он всегда неотрывно смотрел на голову Макса. Черная шкура кота промелькнула мимо меня, едва не задев; я увидел это лишь краем глаза. Не могу отрицать: сознание того, что острые когти и разинутая пасть, полная зубов, находятся вблизи таких уязвимых частей моего тела, как глаза, щеки и губы, вызвало у меня небывалый выброс адреналина. Я испытал и нечто новое, чего не испытывал раньше, — что-то вроде невидимого перемещения воздуха рядом с моей левой щекой, словно за какую-то долю секунды атмосфера наэлектризовалась, а потом потянуло пустотой. Пушок на щеке поднялся и слегка потрескивал, когда кот шмякнулся о стену.

И так же как в случае с первой выпивкой или с первой женщиной, новый опыт немедленно потребовал повторения. Во второй раз я решил перехитрить кота, спрятав голову за дверной косяк немного раньше, чем этого можно было бы ожидать, исходя

из законов логики. Но по всей вероятности, кот уже после первого раза расшифровал логику, скрытую в моих движениях головой. Я почувствовал коготь над левой бровью. Коготь совсем ненадолго застрял и сорвался, унеся что-то с собой. Я взглянул на окровавленные кончики пальцев, потом на кота, который снова занял свое место в гостиной. Толстый черный хвост с силой колотил по деревянному полу, светящиеся зеленые глаза выжидательно смотрели на меня.

Теперь прекращение игры можно было принять за признак слабости, а я не знал, на что способен этот кот, если обнаружит у кого-нибудь такой признак. Комната Макса находилась в другом конце коридора. Я представил, как падаю у изножья его кровати с его же котом на шее. С другой стороны, мне не очень-то верилось, что я доберусь до его комнаты вовремя.

Поэтому я решил продолжать как ни в чем не бывало. Беззаботно держа руки в карманах брюк, будто и в самом деле все было так, как выглядело со стороны, я снова расположился за дверным косяком. Помню, я даже тихонько насвистывал какую-то мелодию. Мы просто играли, кот и я; беспокоиться было не о чем. Если бы кот тоже это понимал, ничего бы не случилось.

После пяти прыжков, во время которых мне кое-как удалось избежать его когтей, я пошел в гостиную, все еще тихонько насвистывая и небрежно держа руки в карманах.

— Так, — сказал я бодро. — На сегодня, наверное, хватит.

Я не знал, кому говорю это, и не имел ясного представления о том, что теперь делать. Насвистывая, я переложил подушки, отодвинул матрас, потом толкнул его ногой обратно к стене.

Кот ни на миг не упустил меня из виду. Через некоторое время он сменил свое постоянное место у двери на стул возле матраса, куда я сначала собирался положить одежду. Он все еще вилял хвостом из стороны в сторону, но уже не так сильно, как в разгар нашей игры. Мысль об этом подбодрила меня.

Когда я начал снимать свитер, то увидел, что кот на стуле несколько раз повернулся вокруг себя, после чего улегся поудобнее. Сложенные передние лапы он почти спрятал в шерсти под грудью, а хвост его мирно свисал вдоль ножки стула; из-за зажмуренных глаз казалось, что он улыбается.

— Хорошо поиграли, а? — сказал я. — Но мы оба ужасно устали.

Услышав мой голос, кот наострил уши и с силой ударил хвостом по ножке стула, но потом снова задремал. Глаза его теперь были совсем закрыты.

Я взял из шкафа книгу и залез под одеяло. Не помню ее названия — я не успел прочитать ни слова. Помню только книгу, раскрытую на первой странице, и свет настольной лампы, которую Макс поставил рядом с матрасом. В свете лампы на стене виднелась тень: это была тень кого-то, делающего вид, будто он как ни в чем не бывало лежит с книжкой в постели, устроенной на полу.

Кот спрыгнул со стула неслышно. Я заметил его только тогда, когда он уже сидел в изножье матраса. А может, я поднял голову, оторвавшись от первой страницы, когда раздался удар хвоста по деревянному полу.

Лишь через несколько секунд я осознал, почему кот сидит, неотрывно глядя на меня, со склоненной набок головой и широко раскрытыми зелеными глазами. В тот же миг до меня дошло, куда он смотрит. Ледяной озноб пробежал вверх по моему позвоночнику, добравшись до волос на шее, а оттуда — до волос на макушке.

Конечно же, кот уставился зелеными глазищами на мою голову, единственную часть тела, которая высывалась из-под одеяла: все остальное было спрятано.

В сущности, было слишком поздно что-то делать. Поздно вставать, поздно махать руками, что-то растолковывать на понятном коту языке. Было поздно объяснять коту, что игра действительно окончена и в любом случае не начиналась снова, что голова, высунутая из-под одеяла, — совсем не то, что голова, выставленная из-за дверного косяка.

— Кис-кис-кис, — позвал Макс еще раз.

Он протянул руку к коту на моих коленях, а потом снова ее отдернул. Задним числом я понимаю, что именно в тот момент я принял решение.

Почти сразу по возвращении с Кюрасао я пришел к Максу домой, даже не отоспавшись после смены часовых поясов. Наверное, мне казалось, что все надо делать быстро, что я не могу ждать до завтра. Что-то подсказывало: до этого мне ни в коем случае нельзя наткаться на «старых» друзей.

Макс казался заспанным, хотя было далеко за полдень. Он не притворился удивленным и никак не показал, что рад меня видеть. По всему его поведению было видно: за время моего отсутствия он думал обо мне гораздо меньше, чем я о нем. У меня даже сложилось впечатление, что он не имел ни малейшего понятия о том, где я пропадал все это время.

— Кюрасао, — медленно повторил он, потирая заспанные глаза.

Он пробовал это слово на вкус, будто липкий ликерчик, который ты никогда не нальешь себе сам и для которого в любом случае было еще рано.

Говорят, что, перед тем как разбиться насмерть или в то мгновение, когда целятся прямо тебе в голову, перед тобой проносится вся жизнь. То же уви-

дел и я, подняв руку с подлокотника и медленно поднося ее к голове кота, урчащего у меня на коленях, — все те моменты, когда я пролезал сквозь игольное ушко.

А потом я увидел — словно застывшее в воздухе изображение — кота в прыжке, на полпути к матрасу, в тот памятный субботний вечер, почувствовал когти, которые через простыню и одеяло добрались до моего лица, острую и вместе с тем оглушающую боль, зубы, вонзившиеся мне в предплечье, а потом крепко схватившие за пальцы...

Когда я уже почти поднес руку к голове кота, он повернулся на бок, раскрыл пасть и издал звук, больше всего напоминавший жужжание сверла бормашины, быстро вгрызающегося в зуб мудрости. Я видел розовые десны с каплями слюны, розовый язык и за ними — пустоту горла, черную и мрачную, наподобие колодца, из которого никогда не вернется ни луч света, ни эхо.

В тот момент, когда Макс сделал шаг вперед, я положил ладонь коту на голову. Звук стал громче, а кот резко повернул голову в сторону, будто хотел стряхнуть с себя чужую руку. Но когда я медленно провел рукой по его голове, а затем по шее и по всему телу, он успокоился. Урчание стало ровным, а когда рука остановилась там, где спина переходила в хвост, яростно описывающий круги, он даже с удовольствием потянулся.

Я поднял руку и снова начал с головы. Кот прикрыл глаза и, казалось, заулыбался. Рычание перешло в мурлыканье.

Я взглянул вверх, на Макса, и по его лицу увидел, как он рад благополучному финалу. Казалось, он избавился от того, что никогда не получит обратно.

— Он чувствует, что ты свой, — сказал Макс. — С этого дня ты его друг.

2

Не знаю, почему именно про кота я подумал теперь, когда Макса больше нет. Может быть, дело в том, что Сильвия попросила меня сказать несколько слов на завтрашних похоронах. Не знаю, подходит ли рассказ о коте для похорон.

Я думаю о других похоронах: о похоронах, на которых сначала плакали, а потом все-таки смеялись. Я думаю о выступлении Джона Клиз на похоронах Майкла Чепмена¹. А потом — о репортерах. Наверняка на кладбище будет полно репортеров с камерами. Может быть, их не допустят в зал, где будут произноситься речи, но так или иначе похороны Макса Г. станут для массмедиа перворазрядным событием.

Сегодня вечером в шестичасовом выпуске новостей подробно сообщили о пути следования кортежа и строгих мерах предосторожности. И снова, в который уже раз за последние три дня, показали эти кадры. Сначала — темная улица и вспышки мигалок на углу возле итальянского ресторана «Маре

¹ *Джон Клиз* (р. 1939) и *Грэм* (не Майкл) *Чепмен* (1941–1989) — участники британской комик-группы «Монти Пайтон». Известных Майклов Чепменов двое, и оба из мира музыки: один (Майкл Дональд Чепмен, р. 1947) — продюсер, половина дуэта с Никки Чинном (авторы хитов для *Sweet*, Сюзи Кватро, *Smokie*), другой (Майкл Роберт Чепмен, р. 1941) — культовый фолк-гитарист, автор-исполнитель.

нострум»¹, а потом — красно-белые полосатые ленты, которыми обнесено собственно *место преступления*. И в заключение — опять: приоткрытое окно серебристо-серого «мерседеса»-кабриолета, голова Макса, склоненная к рулю так, будто он спит. Полицейские в перчатках подбирают с тротуара патронные гильзы и с превеликой осторожностью опускают их в пластиковые пакетики, которые затем опечатывают; на тротуарных плитках, где обнаружены гильзы, мелом нарисованы белые кружочки.

Пытаюсь представить себе, как будет выглядеть рассказ о коте среди прочих выступлений. Я могу рассказать так, что люди сначала будут плакать, а потом смеяться. Я думаю о дочурке Макса, которая, пожалуй, услышит этот рассказ впервые. «Тогда мы еще учились в школе», — могу сказать я. Или так: «Все это случилось давным-давно». Наверное, и кот умер лет двадцать пять назад. А с другой стороны, это все-таки нечто иное. Непохожее на другие похороны, вот что я хочу сказать.

Так, например, я не знаю, доживу ли до завтрашнего вечера. В последние дни я чаще обычного оглядываюсь по сторонам, когда нахожусь на улице. В зеркале заднего вида не раз отражалась одна и та же машина, буквально висящая у меня на бампере. А сегодня вечером, ставя на край тротуара мешки с мусором, я поймал себя на том, что заглядываю под свою машину. Я присел совсем низко, но было уже слишком темно, и рассмотреть ничего не удалось. Вспомнилось далекое детство, когда перед сном я всякий раз проверял, не прячутся ли под кроватью какие-нибудь чудовища.

Уже почти полночь. Я стою в саду и прислушиваюсь к шуму маневрирующих поездов, который

¹ Mare Nostrum (*лат.*) — «Наше море».

доносится с площадки в нескольких кварталах отсюда. Полчаса назад я заглянул через дверь в спальню жены, потом в комнату сына; оба крепко спали. Когда-то я не представлял себе, что они смогут жить без меня, думал, что после моей смерти они окажутся в свободном падении, словно пассажиры самолета, пилот которого благополучно катапультировался. Короче говоря, я верил в собственную незаменимость. Тот, кто чувствует себя незаменимым, не сомневается в своем существовании. А если и сомневается, то не каждый день.

Но позапрошлым летом, на Менорке, лежа на пляже, я вдруг заметил, что жена смотрит на меня со своего шезлонга; на ней были солнечные очки, но именно через темные стекла я прекрасно видел, что она смотрит не отрывая глаз. Я спросил, о чем она думает, и жена без малейших колебаний ответила:

— О том, что бы я делала, если бы ты умер.

Так говорят о платье, которое больше не подходит. О платье, которое в скором времени будет пожертвовано бедным.

А когда я у двери прислушивался к дыханию спящего сына, то вспомнил, что в свое время это самое дыхание вызывало у меня жуткую панику. Я вспомнил, как стоял у колыбели и прислушивался, как просовывал руку под одеяльце и успокаивался лишь тогда, когда чувствовал, что его грудь вздымается и опускается.

А потом я подумал о тех годах, когда сын, казалось, еще радовался при виде меня. Он выходил из своей комнатки и бежал ко мне по коридору, услышав, что я вставляю ключ во входную дверь. Я поднимал его высоко над собой, а он колотил кулачками по моему лбу:

— Папа, поставь меня! Поставь!

Теперь он начинает вздыхать еще до того, как я раскрываю рот, и жалостливо качает головой, пока я говорю в присутствии его друзей, — так, словно я безнадежен, но еще не скоро буду избавлен от страданий. Возможно, когда меня не станет, он несколько дней будет обо мне вспоминать. Возможно, он искренне опечалится — но ненадолго. Я думал о собственной печали после смерти родителей, о том, сколько она продолжалась, и не строил никаких иллюзий. В темной комнате дыхание моего пятнадцатилетнего сына, доносившееся от кровати, звучало как дыхание взрослого мужчины.

Когда бьет двенадцать, я вхожу в гостиную через застекленную садовую дверь и включаю телевизор, чтобы посмотреть последний выпуск новостей. В который раз крупным планом показывают голову, склоненную к рулю «мерседеса». Только наметанный глаз разглядит еле заметную дырочку и еле заметную корочку запекшейся крови.

Когда камера отъезжает, мы снова видим итальянский ресторан на углу, где я условился в тот вечер встретиться с Максом; только наметанный глаз может узнать мужчину в голубом пиджаке, который на короткое время появляется в дверном проеме, за красно-белыми лентами, а потом почти бесшумно уходит прочь и исчезает из виду за углом. Никто его не останавливает.

Уже несколько раз этого мужчину действительно просили сообщить о себе полиции. Но у меня до сих пор не сложилось впечатления, что это поможет в разрешении дела, пусть даже таким образом я окажу кому-то услугу. Тот пиджачок я позавчера записал в уличный контейнер с одеждой для обитателей третьего мира, совсем в другом районе города.

Мы только что сделали заказ. Я сказал Максиму, что пойду в туалет, к сигаретному автомату, а он похлопал по карманам куртки и сказал:

ЗВЕЗДА ОДЕССЫ

— Кажется, я оставил мобильник в машине.

Мы встали одновременно. Я пошел в туалет, а он направился к двери.

Выключаю новости; последние слова — «Кажется, я оставил мобильник в машине» — не слишком поспособствуют повышению интереса к завтрашнему короткому экскурсу в прошлое. Поэтому, думаю, это все-таки будет кот. Может быть, кот уведет всеобщее внимание куда-нибудь не туда. Может быть, некоторые понапрасну будут выяснять, что кроется за рассказом о коте — двойной смысл или нечто, нуждающееся в подробном объяснении. В этих кругах есть немало людей, которые повсюду ищут двойное дно.

С другой стороны, это рассказ обо мне. Или, точнее, рассказ о Максе и обо мне — из того времени, когда все только начиналось. Из того времени, когда я еще выбирал себе новых друзей и речь не шла о том, чтобы с огромным трудом избавиться от них.